

На правах рукописи

КУЛЕШОВА МАРИЯ ЛЬВОВНА

**ПЕЙОРАТИВНЫЕ НАЗВАНИЯ ЛИЦ КАК КОМПОНЕНТ ЛЕКСИКО-
СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ПЕРСОНАЛЬНОСТИ В
СЛОВЕНСКОМ И СЕРБСКОМ ЯЗЫКАХ**

Специальность 10.02.03 – славянские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва

2015

Работа выполнена на кафедре славянской филологии филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный руководитель: профессор, доктор филологических наук

Ананьева Наталия Евгеньевна

Официальные оппоненты: **Тяпко Галина Георгиевна**

доктор филологических наук, профессор
кафедры языков стран Центральной и
Юго-Восточной Европы ФГБОУ ВПО
«Московский государственный институт
международных отношений
(университет) МИД РФ»

Юдова Юлия Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ДПО ИПК «Высшие курсы
иностраных языков МИД РФ»

Ведущая организация: ФГБУН «Институт славяноведения РАН»

Защита диссертации состоится 20 мая 2015 г. в 14 часов 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 501.001.19 при ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991 ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» и на сайте филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (адрес сайта: <http://www.philol.msu.ru>).

Автореферат разослан « » _____ 2015 г.

Учёный секретарь

диссертационного совета,

профессор

Е. В. Клобуков

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее диссертационное исследование посвящено словенским и сербским пейоративным наименованиям лиц (далее: пейоративам), которые мы определяем как *nomina personalia*, характеризующиеся наличием отрицательной эмоциональной коннотации. С нашей точки зрения, данный лексический пласт представляет собой наиболее яркий и культурно-маркированный фрагмент лексико-семантической категории личности. Негативно-оценочные лексемы отличаются большей степенью семантической дифференциации, нежели единицы, характеризующиеся положительной коннотацией, что свидетельствует о лингвистической значимости их внутриязыкового описания, не говоря уже о сравнительном аспекте.

Выбор для сопоставления словенского и сербского языков не является случайным. Оба языка относятся к западной подгруппе южнославянской ветви, однако их отличают собственные пути развития, обусловленные культурно-историческими факторами: контактами сербов с турками, а словенцев – с австрийцами и итальянцами, влиянием *Slavia Orthodoxa* с одной стороны и *Slavia Latina* – с другой и т.д. Кроме того, и словенский, и сербский язык характеризуются чрезвычайной продуктивностью моделей образования эмоционально окрашенных, в частности пейоративных, номинаций лиц, причем каждый из них обнаруживает в данном аспекте свою специфику.

Научная новизна и актуальность настоящей работы определяются тем, что она представляет собой первое комплексное описание словенских и сербских пейоративов в рамках лексико-семантической категории личности. Серьезные научные работы по данной конкретной проблематике отсутствуют, и тему диссертационного исследования можно считать **неразработанной**. Значимость исследования также связана с актуализацией рассматриваемого пласта лексики: в условиях свободы слова пейоративы активно используются в СМИ, блогах и социальных сетях с целью определенного воздействия на читательскую аудиторию.

Объектом исследования являются пейоративные наименования лиц в современном словенском и сербском языках, относящиеся к литературным языкам и сленгу.

В качестве **предмета исследования** были определены способы выражения пейоративности и образования конкретных уничижительных номинаций лиц, их семантика, в том числе динамика развития лексического значения, частотность употребления и особенности функционирования в современном словенском и сербском языках.

Основным **материалом исследования** являются лексикографические данные словенских словарей: SSKJ (Slovar slovenskega knjižnega jezika, 1970 г.) и SNB (Slovar novejšega besedja slovenskega jezika, 2012 г.) – и словарей сербохорватского языка: РМС (Речник српскохрватског књижевног језика, 1967-76 (1990) г.г.) и РСАНУ (Речник српскохрватског књижевног и народног језика, 1959-2014 г.г.). Дополнительным материалом исследования стали данные сетевых словарей разговорной и (или) пейоративной лексики: *Razvezani jezik* (razvezanijezik.org, Словения), *Vukajlija* (vukajlija.com, Сербия), *Речник народних погрдних назива* (ndragan.com/langsr/pogrde.html, Сербия). Общее число рассмотренных лексико-семантических вариантов (ЛСВ) в обоих языках составляет **1837** единиц (987 словенских и 850 сербских).

Кроме того, настоящее исследование базируется на материале новейшего корпуса словенского языка *Gigafida* (gigafida.net), включающего в себя приблизительно 1,2 миллиардов слов из публицистических, художественных и сетевых текстов, и на данных корпуса сербского языка *Корпус савременог српског језика на Математичком факултету Универзитета у Београду* (korpus.matf.bg.ac.rs), содержащего 123 миллиона слов, в первую очередь, из произведений художественной литературы, а также ряда публицистических изданий. В связи с тем, что корпуса не сопоставимы ни по объему, ни по функционально-стилистическому наполнению, было принято решение использовать в качестве дополнительных источников данные сети Интернет: в обоих случаях использовалась поисковая система *Google*, ограниченная либо словенским, либо сербским языковым и географическим сегментом. Общее число просмотренных нами контекстов составляет не менее **500 тысяч**.

Целью настоящего **исследования** является выявление общих и различительных словообразовательных, семантических и функциональных черт словенских и сербских пейоративных номинаций лиц, включая фразеологизмы. В рамках контрастивного анализа немаловажную роль играет и монолингвальное описание, поэтому данная цель нами также преследовалась; при этом хотелось бы отметить, что наиболее подробно рассмотрен материал словенского языка. Кроме того, одну из частных целей работы мы можем определить как фиксирование модификации значений лексем, т.е. различий между словарными дефинициями и фактическим словоупотреблением.

Для выполнения вышеупомянутых целей мы определили следующие конкретные **задачи**:

- установление места пейоративных номинаций лиц в рамках лексико-семантической категории личности;
- формулирование критериев пейоративности словенских и сербских номинаций лиц с учетом использованных лексикографических источников;
- определение способов и средств экспликации пейоративной коннотации в словенском и сербском языках;
- сбор языкового материала с помощью вышеперечисленных лексикографических источников в соответствии с выбранными критериями пейоративности и проверка его актуальности (фиксация частотности пейоративных ЛСВ) на базе корпусов и сети Интернет;
- дифференциация однословных пейоративных номинаций и субстантивных фразеологических единиц;
- распределение однословных пейоративных названий лиц по базовым категориям: идентифицирующие, частнооценочные, общеоценочные; применение аналогичной классификации по отношению к фразеологизмам;
- выделение лексико-семантических групп (ЛСГ) и признаков подгрупп внутри каждой из категорий;

- контекстуальный анализ пейоративов, определение специфики их употребления и характера коннотации, сопоставление словарных толкований и ЛСВ, актуальных для современных языков;
- контрастивное описание языкового материала с точки зрения различных критериев: способы и средства образования пейоративных номинаций лиц, частотность употребления, семантический и функциональный аспекты, степень негативной экспрессивности, гендерная маркированность.

В настоящей работе применялись различные исследовательские **методы**, в том числе: структурно-семантический метод описания значения пейоративных номинаций лиц, метод словообразовательного анализа, системно-функциональный метод, сравнительный (контрастивный) метод, а также более **частные методы**: метод сплошной выборки, метод статистического подсчета.

Методологической базой исследования являлись работы, посвященные:

а) наименованиям лиц (Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева, А.Д. Шмелев, Р. Токарский и др.); б) теории эмотивности, экспрессивности, языковой оценки (В. И. Шаховский, В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, С. Ристић и др.); в) пейоративности (Н.П. Шибаета, А.В. Ковалевская); г) компонентному анализу семантики слова (И.А. Стернин).

Теоретическая значимость работы состоит в рассмотрении лексико-семантической категории персональности и ее составляющих как полевой структуры; разработке классификации пейоративных номинаций лиц, распределенных по трем основным категориям (идентифицирующие, частнооценочные, общеоценочные), а также дифференциации ЛСГ и подгрупп внутри данных категорий; установлении конкретных критериев пейоративности, использованных при анализе словенского и сербского словарного материала; описании способов и средств выражения пейоративности в обоих языках.

Практическая ценность работы заключается в возможности широкого применения результатов диссертационного исследования в сфере лексикографии и лингводидактики. Сам материал и результаты его анализа

могут послужить основой для составления современных толковых и переводных словарей литературного языка и сленга, а также имеют существенное прагматическое значение для кросскультурной коммуникации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Лексико-семантическая категория персональности, репрезентантами которой являются номинации лиц, может быть представлена в виде полевой структуры (ЛСП персональности). Пейоративные *nomina personalia* неравномерно распределяются в рамках данного поля, занимая близкую к центру или отдаленную от него позицию.

2) По семантическому и функциональному критериям в рамках пейоративных номинаций лиц выделяются три категории: идентифицирующие, частнооценочные и общеоценочные. Границы между ними имеют зыбкий, нечеткий характер: один и тот же пейоратив может включать в себя ЛСВ, относящиеся к различным категориям, и факт семантического перехода далеко не всегда возможно диагностировать при контекстуальном анализе. Идентифицирующие пейоративы расположены ближе всего к центру ЛСП персональности, общеоценочные – максимально отдалены от центра.

3) Лексикографические пометы пейоративности, приводимые в словенских и сербских словарях, не являются единственным релевантным показателем при отборе уничижительных номинаций лиц. Необходим тщательный корпусный анализ материала, а также введение дополнительных критериев пейоративности. Для словенских пейоративов одним из такого рода критериев мы считаем наличие суффикса **-ež** при негативном оценочном компоненте в основе.

4) Словообразовательные особенности словенских и сербских пейоративов связаны с их категориальной принадлежностью. Идентифицирующим пейоративам свойственно образование путем суффиксации: в словенском языке с использованием формантов **-ar**, **-uh** и др., в сербском языке – аугментативных суффиксов **-(ч)ина**, **-етина** и др. Частнооценочные и общеоценочные пейоративы в данном аспекте обнаруживают сходства: обеим категориям свойственны такие деривационные способы, как суффиксация и метафоризация. Следует отметить также

аналогичные тенденции в использовании конкретных формантов: в словенском языке в рамках обеих категорий превалирует суффикс *-ež*, для сербского языка как в том, так и в другом случае характерно отсутствие общей доминанты и использование формантов со специализированным значением (*-ло*, *-оња*, *-овић* и др.).

5) Наибольшее своеобразие в каждом из языков проявляется в рамках пейоративных названий лиц по конфессии и по национальности/месту жительства/этническому происхождению/расе, причем для сербского языка характерна тесная взаимосвязь этих двух групп. Культурная маркированность отличает, в частности, уничижительные номинации соседних народов (серб. *Балија1*, слов. *jodlar*) и иммигрантов (слов. *čefur*, *bosanec*).

6) Различия между словенской и сербской языковыми картинками мира выявляются в первую очередь благодаря анализу метафор, встречающихся главным образом среди частнооценочных пейоративов. Отдельные из них обнаруживают «лакуны» в одном из языков (слов. *bunka* ‘шишка (на голове)’ → ‘толстуха’, серб. *мазгов* ‘мул’ → ‘дурак’), другие – различия образа, стоящего за метафорой (слов. *puran* ‘индюк’ → ‘гордец, задавака’, серб. *ћурак* ‘индюк’ → ‘дурак’).

7) Гендерная маркированность, под которой мы понимаем наличие в рамках ЛСГ или подгруппы существенного количества пейоративов, обозначающих исключительно лиц женского пола (как правило, не имеющих родовых коррелятов), и в сербском, и в словенском языках отличает признаковые подгруппы «Похотливость, развратное поведение», «Глупость», «Болтливость» (в сербском более ярко, нежели в словенском), «Уродство, внешняя непривлекательность», «Полнота» (особенно в словенском), «Легкомыслие, безрассудство». В сербском языке к такого рода подгруппам мы относим также «Неряшливость, неопрятность» и «Кокетство».

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования нашли отражение в публикациях журналов из списка ВАК: «Славяноведение» (2013, №6), «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» (2014, №2), «Научное мнение» (2014, №10) – а также были обсуждены на конференциях: «XX Международная

конференция студентов, аспирантов и молодых ученых “Ломоносов”» (Москва, 2013), «Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках» (Днепропетровск, 2013), «Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии» (Москва, 2013), «Славянский мир: общность и многообразие» (Москва, 2014).

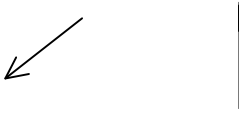
Объем и структура работы. Работа состоит из **Введения**, шести глав, **Заключения**, **Списка литературы**, а также **Приложения**.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются научная новизна, актуальность, практическая ценность и теоретическая значимость работы, формулируются цель и задачи, объект и предмет исследования, описываются примененные методы, приводится общая структура диссертации.

В **Главе 1** излагаются **теоретические основы** работы, рассмотренные по принципу от общего к частному. Вначале характеризуется лексико-семантическая категория персональности, к которой относятся имена существительные, объединенные семой ‘лицо’ (антропонимы выносятся нами за скобки). Данная категория обладает всеми свойствами лексико-семантического поля: 1) наличие интегрального признака (архисемы) ‘лицо’, а также доминанты *человек*; 2) возможность построения иерархической структуры, выделения центральных и периферийных компонентов, различных ЛСГ; 3) взаимосвязь элементов внутри поля, присутствие парадигматических отношений (гиперонимии, гипонимии, антонимии, синонимии и т.д.); 4) открытость для пополнения новыми лексемами; 5) континуальность пространства в рамках поля, отсутствие четких границ внутри него и т.д. При определении характеристик поля мы опирались на лингвистическую литературу, посвященную данному вопросу: работы А.А. Уфимцевой, В.Г. Адмони, Г.С. Щура, Ю.Н. Караулова, А.В. Бондарко, И.М. Кобозевой и др.

ЛСП персональности может быть представлено в виде следующей схемы (примеры приводятся из русского языка):

Центр поля:	ЧЕЛОВЕК (доминанта поля) квазисинонимы лексемы «человек» (<i>личность, лицо</i> и т.п.) базовые наименования лиц по полу (<i>женщина, мужчина</i>) ↓ наименования лиц по полу и возрасту нейтрального (внеоценочного) характера (<i>ребенок, девушка</i> и т.п.)
Периферия:	Ближняя периферия:
	1) реляционные названия лиц: термины родства, наименования по профессиональным, личным, бытовым отношениям и др. (<i>папа, начальник, подруга, сосед</i>). 2) названия лиц по национальности, конфессии, расе, месту жительства, мировоззрению, состоянию здоровья и др. (<i>англичанин, католик, азиат, петербуржец, радикал, аллергик</i>). 3) названия лиц по функции, профессии, роду деятельности, званию (<i>волонтер, медсестра, футболист, полковник</i>). Дальняя периферия: 4) наименования, характеризующие лица по особым качественным признакам: внешности, поведению, умственным способностям, чертам характера, общеоценочные наименования и др. (<i>красавец, вертихвостка, дуреха, фарисей, гадина</i>).

Большая часть пейоративов входит в класс характеризующих *nomina personalia*: в первую очередь, к ним относятся наименования лиц, использующиеся для осуждения каких-либо человеческих качеств и внешних

черт, в дальнейшем называемые **частнооценочными** пейоративами, или пейоративами со значением признака (*болван, каланча*). Характеризующие номинации лиц также включают в себя пейоративы с семантикой общей отрицательной оценки (**общеоценочные**, например, *сволочь, гнида*). При использовании терминов «общая оценка» и «частная оценка» мы ориентируемся на дефиниции Е.М. Вольф¹ и Н.Д. Арутюновой². Нам представляется, что категория общеоценочных пейоративов в наибольшей степени отдалена от центра в силу размытого характера значения относящихся к ней единиц и максимальной близости к предикативному, а не к номинативному типу. Прочие группы уничижительных названий лиц располагаются в переходной зоне между центром и периферией (*бабища*) или между различными классами (*америкос*). Пейоративы, относящиеся к данной категории, мы называем **идентифицирующими**.

Итак, на наш взгляд, пейоративные номинации лиц занимают различное положение в рамках лексико-семантического поля персональности. Тем не менее вышеупомянутые категории обладают рядом объединяющих черт. Все пейоративы относятся к коннотативам, т.е. лексемам, отличающимся наличием коннотации, под которой мы, вслед за В.И. Шаховским, подразумеваем «эмоциональную окраску логико-предметного ядра»³. В настоящей работе мы придерживаемся трактовки пейоративов, принятой в работах Н.П. Шибачевой и А.В. Ковалевской, в рамках которой эмоциональная коннотация представляет собой ключевую составляющую данного класса лексем. Отрицательная рациональная оценка в семантике наименования лица не может являться единственным показателем пейоративности, ей обязательно должна(ы) сопутствовать специальное(ые) средство(а) языкового выражения эмоций: формант уничижительного характера, негативно окрашенный образ, стилистически-сниженный лексический элемент, необычный фонетический состав слова и т.п.

¹ Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: УРСС, 1985. – С. 28.

² Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. – С. 75.

³ Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: УРСС, 2009. – С. 82.

Мы также принимаем точку зрения В.И. Шаховского на структуру лексического значения коннотативов, подразумевающую выделение денотативного и стилистического макрокомпонентов, а также эмоциональной составляющей в семантике данных единиц. Денотативный макрокомпонент, в свою очередь, включает в себя номинативный, оценочный и экспрессивный компоненты⁴. Следовательно, эмоциональная коннотация, в отличие от оценки, лишь дополняет денотат, но не является его частью.

В Главе 2 рассматриваются **критерии и способы выражения пейоративности** в словенском и сербском языках. В §1 анализируются **критерии**, примененные при обработке конкретного лексикографического материала. Мы полагаем, что наличие словарных помет негативной оценки не является единственным показателем пейоративной коннотации лексемы. В частности, неохваченным остается целый ряд словенских дериватов, образованных с помощью высокопродуктивного суффикса субъективной оценки *-ež*. Необходимость введения дополнительных параметров как для словенского, так и для сербского языков становится очевидной также при сопоставлении лексического материала двух языков: см., например, наличие пейоративной пометы *slabš.* у словенского ЛСВ *kameleon* ‘хамелеон’ и отсутствие соответствующего показателя у сербского *камелеон* и т.п. Таким образом, критерием пейоративности для номинаций лиц мы считаем наличие хотя бы одного из нижеприведенных признаков:

- 1) словарной пометы *vulg.*, *nizko* и *slabš.* для словенского языка, *nej.*, *вулг.*, *погрд.*, *подр.*, *презр.* для сербского языка;
- 2) словообразовательных средств, служащих исключительно для пейорации; их список определен отдельно для каждого из языков;
- 3) образной составляющей и негативного оценочного компонента в значении основы лексемы (выборочно);
- 4) для словенского языка: суффикса *-ež*, пометы *ekspr.* и негативного оценочного компонента в семантике основы лексемы.

Необходимо также отметить, что:

- 1) пейоративные номинации лиц, маркированные пометой *vulg.* в

⁴ Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. – С. 80.

словенских лексикографических источниках и *вулг.* в сербских относятся к высокой степени негативной экспрессивности;

- 2) лексемы, отобранные на основе третьего и четвертого критериев пейоративности, отличаются низкой степенью негативной экспрессивности.

В §2 анализируются основные **способы и средства выражения пейоративности**: суффиксация, префиксация, сложение, метафоризация, метонимия, прецедентные имена, заимствования, онomatопея, усечение основы, каламбур, энантиосемия, контаминация, контекст и интонация высказывания. Центральное место занимают словообразовательные способы, самым продуктивным из которых в обоих языках является **суффиксация**, обнаруживающая различия в сфере конкретных словенских и сербских формантов. Как в словенском, так и в сербском языке пейоративность может выражаться с помощью:

1. особого пейоративного форманта, например: **-un** (*besedun* ‘трепло’), **-оња** (*главоња* ‘большоголовый человек’);
2. нейтрального или уменьшительно-ласкательного суффикса в пейоративном употреблении, например: **-ar** (*rodoljubar* ‘урапатриот’), **-ић** (*кнежуић* ‘князек’).
3. основы и суффикса (формант лишь усиливает пейоративность), например: *priskutnež* (слов. ‘противный, неприятный человек’ – образовано от прилагательного с отрицательной эмоциональной окраской *priskuten* ‘неприятный, противный’ с помощью экспрессивного суффикса **-ež**; *мазало* (серб. ‘мазила’ – от глагола *мазати* ‘малевать’ с помощью эмоционально окрашенного суффикса **-ло**).

Необходимо уточнить используемое в работе понятие «пейоративного форманта», отличающееся от общепринятого. Под **пейоративным формантом** здесь понимается *эмоционально окрашенный суффикс, используемый для образования *nomina personalia* и реализующий при этом исключительно (либо преимущественно) негативную оценочность*. В то же время среди пейоративных формантов, безусловно, следует выделить суффиксы, служащие

исключительно для пейорации, т. е. в данном конкретном случае для образования только уничижительных наименований лиц. Для словенского языка это суффиксы **-un** (*grdun*, **-uh** (*črnuh*), **-ulja** (*gobezdulja*), **-uša** (*debeluša*), **-ura** (*babura*), **-on** (*lahon*), **-avs** (*bahavs*), **-ela** (*devetkela*), для сербского языка — **-уља** (*шеврдуља*), **-(ч)ура** (*Циганчура*), **-урина** (*бабурина*), **-екања** (*Србекања*), **-ескара/ускара** (*попускара*). Данные форманты, таким образом, не обнаруживают соответствий в двух языках. Специфические для каждого из языков суффиксы были зафиксированы также при анализе: а) пейоративных формантов в целом: например, наличие суффикса **-ež** в словенском (деривация от адъективных: *izbirčnež* – реже субстантивных или глагольных основ: *ustež*, *jedež*) и форманта **-оња** в сербском языке (образование от субстантивных, реже от адъективных основ: *ћелоња*, *млакоња*); б) нейтральных суффиксов в пейоративном употреблении: например, использование в словенском языке деминутивного форманта **-(č)ek** для деривации от субстантивных основ (*Slovenček*) и сербского форманта **-овић** с первичным значением ‘чей-либо сын’ для образования *nomina personalia* от субстантивных или местоименных основ (*песниковић*, *никоговић*).

Среди различий общего характера, касающихся способов выражения пейоративности, следует отметить функционирование в сербском языке **заимствований** турецкого происхождения, не свойственное словенскому: *мурдар* ‘неряха, грязнуля’, *баксуз* ‘неудачник’, *циција* ‘жадина, скряга’ и др. Турцизмы (за исключением ряда бытовых лексем, укоренившихся в литературном языке) как правило, обладают национальным колоритом, способствующим усилению их экспрессивности.

Глава 3 посвящена **идентифицирующим пейоративам**. Напомним, что к данной категории относятся уничижительные наименования лиц со значением признака, включающего объект номинации в определенную гендерную, социальную, религиозную, национальную и прочие группы. Предикативная функция и градуированность признака – выражающаяся, в частности, в возможности сочетания с интенсификаторами *настоящий(ая)*, *абсолютный(ая)* и т.п. – не характерны для лексем этой категории. В рамках идентифицирующих пейоративов было выделено 11 ЛСГ: «Человек», «Пол и

возраст», «Межличностные связи (реляции)», «Конфессия», «Национальность/место жительства/этническое происхождение/раса», «Профессия, род занятий», «Социальный статус, звание», «Место жительства (город/деревня)», «Идеология, принадлежность к организации, партии», «Сексуальная ориентация». Приведем пример таблицы одной из групп («Пол и возраст»), принципы построения которой использовались также при дальнейшем анализе материала:

Таблица 1 «Пол и возраст»⁵

		Словенский	Сербский
1	Женщина	<i>baba1?</i> (ж), <i>babnica</i> (ж), <i>babura1</i> (ж), <i>ženščina</i> (ж), <i>ženšče</i> (ж), <i>babšel</i> (ж), <i>ženščura</i> (ж), <i>babela</i> (ж), <i>babetina</i> (ж), <i>bable1</i> (ж, 0), <i>babišče</i> (ж, 0), <i>larfa</i> (ж, 0)/ <i>babovje</i> (ж, соб.), <i>ženščad</i>	<i>женетина</i> (ж), <i>жентурача</i> (ж), <i>жентурина</i> (ж), <i>бабетина1</i> (ж), <i>бабускара1</i> (ж), <i>бабурда1</i> (ж), <i>жентура</i> (ж, 0)

⁵ Жирным шрифтом маркированы рассматриваемые ЛСВ словенских и сербских единиц, контексты употребления которых встречаются в соответствующем корпусе и сегменте сети Интернет более 50 раз (количество упоминаний для каждого языка суммировалось). Данная цифра была выбрана нами достаточно условно с целью выявления широко распространенных в современных языках лексем. Ноль в скобках (0) служит для обозначения единиц, являющихся редкими, архаичными или нераспространенными по какой-либо иной причине в современном словенском или сербском языках. Для такого рода лексем не было обнаружено ни одного контекста использования в корпусе и сети Интернет. Цифра (1, 2...) обозначает номер одного из пейоративных ЛСВ слова. Вопросительным знаком отмечены единицы, пейоративность которых спорна или зависит от контекста. Буква (ж) в скобках обозначает пейоративы, используемые для номинации лиц исключительно женского пола. Сокращение (соб.) маркирует собирательные *nomina personalia*, (сл.) — единицы, относящиеся к сленгу. Мы стремились перечислять лексемы, руководствуясь критерием их употребительности: от наиболее частотных к наименее частотным.

		(ж, соб.)	
2	Девушка	<i>deklinā (ж), deklača (ж, 0)</i>	<i>девојчура (ж), девојчина (ж), девојчурина (ж, 0), девојчетина (ж, 0)</i>
3	Пожилая женщина	<i>baba2 (ж), babura2 (ж), babše2 (ж), staruha (ж), bable2 (ж, 0)</i>	<i>бабетина2 (ж), бабускара2 (ж), бабурда2 (ж, 0), бабескара (ж, 0)</i>
4	Мужчина	<i>možicelj?, može</i>	-
5	Молодой человек	<i>mandeljč?, fante?</i>	<i>момчуљак, момчетина, момчурак, момчурина (0)</i>
6	Пожилой мужчина	<i>staruh, starče (0)</i>	<i>старкеља, (матори) кеша, старчекања, старчуљина</i>
7	Ребенок	<i>ramž? (сл.), pankrt2/ dečad (соб.)</i>	<i>дериште, дрче (0)/ дечурлија? (соб.)</i>

Сущностные характеристики идентифицирующего признака как такового (объективность, отсутствие градации) предопределяют словообразовательные способы, используемые для деривации единиц данной категории. Большинство из них образовано путем суффиксации, отдельным ЛСГ также свойственен сложно-суффиксальный способ (наименования лиц по профессии или роду деятельности и по сексуальной ориентации); при этом метафоризация для идентифицирующих пейоративов нехарактерна. Что касается суффиксации, то среди словенских формантов чаще всего используются **-ar** (31 лексема, деривация от субстантивных (*makaronar*), глагольных (*pisar*) и адъективных (*rdečkar*) основ) и **-uh** (10 единиц, образование от глагольных (*ogleduh*), адъективных (*staruh*) и субстантивных (*liberaluh*) основ). Сербский материал демонстрирует доминирование аугментативных формантов: **-(ч)ина** (15 единиц, деривация от субстантивных основ – *педерчина*), **-етина** (10 лексем, образование от субстантивных основ – *бабетина*) – а также уменьшительно-уничижительного **-(ч)ић** (9 единиц, от субстантивных основ – *новинарчић*) и **-ло** (7 лексем, от глагольных основ – *пискарало*).

Наиболее лексически нагруженной является ЛСГ номинаций лиц по профессии и роду деятельности; при этом в обоих языках в качестве ключевой понятийной сферы выступает область взаимоотношений полов, в связи с чем высокой частотностью характеризуются пейоративы, обозначающие женщин, лиц нетрадиционной ориентации и проституток (два последних типа номинаций представлены главным образом единицами высокой степени негативной экспрессивности, выделяющей их в рамках рассматриваемой категории). Кроме того, активно употребляются отдельные этнофолизмы, в частности, в словенском языке к ним относятся *bosanec*, *čefur*, *južnjak*, *čaprec*, *jugovič* (наименования иммигрантов из республик бывшей Югославии), в сербском – *Шинтар* ‘албанец’. Особенностью сербского языка является также тесная сопряженность национального и религиозного признаков; по этой причине *Балиџа* ‘мусульманин’ и *Влах* ‘православный’ функционируют фактически как негативно окрашенные этнонимы для номинации боснийских мусульман и сербов. В рамках категории идентифицирующих пейоративов именно этнофолизмы позволяют выявить экстралингвистический, лингвокультурный пласт, но не в аспекте сопоставления, а в плане описания особенностей употребления и эмоциональной коннотации конкретных лексем в каждом из языков. В диахронии этнофолизмы отличаются также варьированием оценочного знака коннотации (от отрицательного до нейтрального и наоборот), нашедшим подтверждение при сопоставлении контекстов их употребления и словарных данных. Наряду с этим, интересным объектом исследования являются самоназвания наций, в частности, *slovencelj*, представляющий собой авторский неологизм, придуманный поэтессой Светланой Макарович, а затем получивший распространение благодаря прессе: «Tako imenuje vse ozkosrčne, primitivne, dvolične in servilne Slovence» («Так она [Макарович] называет всех узколобых, примитивных, двуличных и раболепных словенцев» *Mladina*, 2013).

При анализе материала данной категории были выявлены различия в степени экспрессивности и семантике тех или иных аналогичных лексем в словенском и сербском языках. Например, словенский пейоратив *jugovič* обозначает серба, боснийца, хорвата или македонца, как правило, переехавшего

в Словению и отличающегося слабым знанием словенского языка и культуры (**-ић** – наиболее распространенный суффикс для образования сербских, хорватских и боснийских фамилий). Сербская лексема *југовић* характеризуется значительно более низкой степенью негативной экспрессивности и употребляется как самоназвание вышеупомянутых народов бывшей Югославии.

В Главе 4 анализируются **частнооценочные пейоративы**, представляющие собой наиболее обширную и внутренне дифференцированную категорию. К ней относятся единицы, толкование которых строится по следующей схеме: «лицо обладает признаком/признаками X, и я считаю, что это плохо». Они также могут сочетаться с интенсификаторами и употребляться в составе конструкций: «Он(она) такой/такая ... », «он (она) настоящий(ая) ... » и т.п. Номинативный компонент такого рода лексем, как правило, содержит определенную рациональную оценку, и средства выражения пейоративности лишь дополняют данную оценку эмоциональной составляющей, подчеркивающей ее субъективный статус.

Мы разделили словенские и сербские частнооценочные пейоративы на лексико-семантические группы (ЛСГ) в зависимости от типа актуализируемого признака: 1) физические и внешние характеристики: неуклюжесть, излишняя худоба, полнота, слабость, уродство (непривлекательный внешний вид) и др.; 2) материальное положение и (или) социальный статус: богатство, бедность, неудачливость и др.; 3) особенности характера и поведения в том числе: а) отношение к работе, труду, профессии: лень, тунеядство, карьеризм и др.; б) отношение к деньгам и прочим материальным благам: жадность, расточительство и др.; в) поведение и отношение к третьим лицам: жестокость, равнодушие и др.; г) речевые характеристики: болтливость, ворчливость и др.; д) иные отдельные черты характера и особенности поведения: трусость, похотливость, неряшливость, неопытность и др.; 4) умственные способности, отсутствие таланта: глупость, бездарность; 5) взгляды, мировоззрение: консерватизм, неверие и др.; 6) привычки, пристрастия: обжорство, пьянство, наркозависимость и др. В рамках 10 крупных ЛСГ были выделены отдельные признаковые подгруппы.

Распределение лексем по группам и подгруппам имеет достаточно условный характер, что связано с тенденцией многих пейоративов к формированию общеоценочного значения или ЛСВ, характеризующего определенный тип личности. Например, названия лиц, включенные в такие подгруппы, как «Неотесанность, отсутствие культуры» и «Мещанство», служат для номинации целого ряда негативных качеств, признаки «ворчливость» и «навязчивость, докучливость» тесно взаимосвязаны и слабо дифференцируемы, а единицы подгрупп «Бесчестность» и «Отсутствие моральных принципов» максимально близки к общей оценке. Стремление к развитию общеоценочного значения отличает также пейоративы, обозначающие носителей резко осуждаемых социумом качеств, таких, как «глупость» или «похотливость, развратное поведение (свойственное женщине)». Контексты употребления отдельно взятых лексем (например, слов. *zgaga* ‘зараза, зануда’ или серб. *nanak* ‘деревенщина, простофиля, рохля’) свидетельствуют о широкой вариативности выражаемых ими ЛСВ, что также влечет за собой развитие максимально обобщенного значения.

В качестве основных способов деривации и выражения пейоративности данной категории как в словенском, так и в сербском языках выступают суффиксация и метафоризация. В словенском языке присутствует наиболее продуктивный формант, являющийся «лидером» по числу дериватов в большинстве ЛСГ (из 10 групп в 8) – это суффикс **-ež** (общее число дериватов – 156, образование от адъективных (*zadrtež*), субстантивных (*barabež*) и глагольных (*jedež*) основ). Также среди часто используемых для деривации суффиксов следует упомянуть нейтральный формант **-ec** (41 лексема, модели образования от адъективных (*kimavec*) и глагольных (*svetohlinec*) основ) и **-ač** (35 единиц, производные от глагольных (*nergač*) и субстантивных (*jezikač*) основ). Вышеупомянутые форманты представляют собой совершенно иные средства по сравнению с суффиксами, используемыми для образования идентифицирующих пейоративов (**-ar**, **-uh**, **-(č)e**).

В сербском языке наблюдается другая ситуация: в каждой из групп присутствует свой формант-лидер с узкоспециализированным значением, свойственным той или иной группе (подгруппе). Для ЛСГ «Физические и

внешние признаки» наиболее частотным суффиксом является **-оња** (7 единиц), служащий для образования наименований лиц по выдающейся части тела (субстантивная основа – *главоња*) или иному внешнему признаку (адъективная основа – *грдоња*), для группы «Речевые характеристики» – формант **-ло** (15 единиц), присоединяющийся к глагольным основам (*кричало*), для группы «Привычки, пристрастия» – исконно жаргонный суффикс **-ос** (две лексемы, деривация от субстантивных основ с усечением: *алкос*). В рамках анализируемой категории, содержащей разнообразные и разноплановые по семантическим и формальным признакам пейоративы, невозможно выделить формант (или форманты), дериваты которого(ых) отличаются явным численным преимуществом.

Анализ метафор, используемых в словенском и сербском языках в качестве уничижительных наименований лиц, показал, что в целом для данных языков характерна: а) актуализация аналогичных образов, приобретающих идентичное значение в двух языковых картинах мира (*svinja/свиња* ‘толстяк, грязнуля’, *opica/мајмун* ‘имитатор, дурак’, *cigan/циганин* ‘плут, пройдоха’, *provinciales/провинцијалац* ‘деревенщина’ и др.); б) функционирование в одном из языков образа, не являющегося актуальным для другого (серб. *караконџула* ‘караконджул (демон, персонаж балканского фольклора)’ → ‘уродина’, серб. *ситничар* ‘коробейник’ → ‘мещанин, мелочный человек’, слов. *teslo* ‘тесло’ → ‘тупица’, слов. *bunka* ‘шишка (на голове)’ → ‘толстуха’ и др.). Если первый подтип включает в себя как высокочастотные, так и малоупотребительные лексемы, то в рамках второго подтипа широко распространенные пейоративы в целом оказываются в меньшинстве. Последнее утверждение верно также в отношении метафор, используемых в словенском и сербском языках для номинации разноплановых качеств (слов. *škorpijon* ‘скорпион’ → ‘злой, жестокий человек’/серб. *акреп* ‘скорпион’ → ‘некрасивая девушка, уродина’; слов. *piran* ‘индюк’ → ‘гордец, задавака’/серб. *ћурак* ‘индюк’ → ‘дурак’) и отличающихся характером коннотации (слов. *zmaј* ‘змей, дракон’ → ‘стерва’/серб. *(жена) змај* ‘змей, дракон’ → ‘успешная, сильная женщина’). Большинство дифференцирующих черт двух языков в области метафорики было обнаружено при рассмотрении материала пейоративов подгруппы

«Глупость». Приведем несколько примеров метафор с данным значением, функционирующих в одном языке и неактуальных для другого: слов. *seres* ‘цеп’, *šeh* ‘чех’, *šeta* ‘участник масленичного карнавала’; серб. *мазгов* ‘мул’, *буква* ‘бук’. В словенском языке к подгруппе «Глупость» относится один из ЛСВ слова *trot* ‘трутень’, отсутствующий у сербского *трут*, причем в обоих языках данные лексемы также служат для номинации носителя иного признака: «тунеядство, прихлебательство». Помимо этого, релевантные для двух языков различия могут получать реализацию в частотности тех или иных пейоративных метафор (серб. *коњ* ‘идиот’ более употребительно, нежели слов. *konj* в том же значении).

При рассмотрении частнооценочных пейоративов был выявлен ряд семантических и функциональных нюансов, обнаруживающих различия двух языков. В частности, мы пришли к следующим выводам:

- 1) ЛСГ «Материальное положение и (или) социальный статус»: отдельные сербские лексемы, обозначающие богатое и влиятельное лицо (*скоројевић*, *скоростек* и др.), отличаются от словенских наличием смыслового оттенка «недавнее стремительное обогащение»;
- 2) ЛСГ «Отношение к работе, труду, профессии»: среди сербских пейоративов присутствует ряд особых номинаций человека, занимающегося бесполезным, недостойным делом (*згубидан*, *замлата* и др.), не представленных в словенском;
- 3) ЛСГ «Отношение к деньгам и прочим материальным благам»: в словенском языке более ярко выражен концепт «жадность» (*pohlepnež*, *požrešnež* и др.);
- 4) ЛСГ «Поведение и отношение к третьим лицам»: понятие ‘хам’, подразумевающее в первую очередь характеристику поведения, является более актуальным для словенского (*nesramnnež*, *nevljudnež* и др.), нежели для сербского языка;
- 5) ЛСГ «Речевые характеристики»: в словенском языке, в отличие от сербского, содержится ряд пейоративов (*gobezdalo*, *gofljač* и др.),

значение которых совмещает такие признаки, как «болтливость» и «дерзость, наглость»;

- 6) подгруппа «Разгульный образ жизни»: исключительно в сербском языке данные пейоративы (*мангун1*, *угурсуз1* и др.) многочисленны и близки к общеоценочным;
- 7) подгруппа «Трусость, слабохарактерность»: в словенском языке представлено большее число пейоративов, служащих для обозначения «трусости» как частного проявления «слабохарактерности» (*strahopetnež*, *usrane* и др.) и т.п.

С учетом гендерного критерия (в первую очередь, наличия маркированных по женскому полу лексем) наиболее отрицательными «женскими» чертами и качествами в сербском и в словенском языках признаются: «похотливость, развратное поведение», «глупость», «болтливость» (в сербском выражено более ярко, нежели в словенском), «уродство, внешняя непривлекательность», «полнота» (особенно в словенском), «легкомыслие, безрассудство». В сербском языке среди качеств, представленных преимущественно номинациями лиц женского пола, присутствуют также «неряшливость, неопрятность» и «кокетство». С нашей точки зрения, приведенные различия характеризуются определенной культурной маркированностью, которая может быть связана как с современными стереотипами (и автостереотипами), так и с традиционным мировоззрением.

В Главе 5 рассматривается категория **«Общеоценочные пейоративы»**, отличительной чертой которой, в отличие от идентифицирующих и частнооценочных единиц, является отсутствие связи с каким-либо конкретным признаком, нивелирование мотивации негативной оценки. Для общеоценочных пейоративов характерно использование в качестве бранных слов, что демонстрирует корреляцию семантики и прагматики.

Основное разграничение единиц данной категории было произведено на базе дифференциальных сем 'лицо' и 'группа лиц'. Таким образом, в особую группу 2 «Плохие, никчемные люди» были выделены собирательные *nomina personalia* (соб.). Группа 1, денотатом которой является единичный объект

номинации, в свою очередь, была подразделена на две подгруппы на базе семантики: «Плохой человек» (подгруппа 1а) и «Никчемный человек» (1б).

Со словообразовательной точки зрения данная категория соотносится с частнооценочными пейоративами, о чем свидетельствует доминирование одних и тех же способов образования уничижительных номинаций лиц (метафоризация и суффиксация), а также сходство конкретных используемых средств, в частности следующих формантов: **-ež** в словенском языке (14 единиц, деривация от адъективных (*zoprnež*) и субстантивных (*barabež*) основ) и др.; суффиксы со специализированным значением в сербском, лидером среди которых является **-овић** (8 лексем, образование от местоименных (*никогових*) и адъективных (*поганових*) основ).

Различия между словенской и сербской языковыми картинками мира, как и в случае с частнооценочными пейоративами, проявляются главным образом в актуальности тех или иных метафор только для одного из языков: слов. *mrha* ‘слабое животное, кляча’, *rit2* ‘зад’; серб. *гад* ‘гад’, *сплачина* ‘помои’ и др. (подгруппа 1а), слов. *drhal* ‘орава’, *svojat* ‘чернь, простонародие’, *zalega* ‘отродье’, серб. *шљам* ‘грязь’, *багра* ‘шайка’ (группа 2). Сербский язык превосходит словенский в процентном соотношении и разнообразии общеоценочных номинаций лиц, связанных с образом *собаки*: ‘пес, собака’ (*пас, вашка*), ‘пес’ (*кучак*), ‘сука’ (*кучка, куја*), ‘собака, щенок’ (*псето, паише*), ‘охотничий пес’ (*кер*), ‘дворняга’ (*мукела, мукац*).

Мы зафиксировали ряд модификаций значений общеоценочных пейоративов по сравнению со словарными толкованиями: например, в словаре никак не обозначена гендерная маркированность словенской лексики *mrha*, в то время как упоминания в корпусе и Интернете свидетельствуют о том, что денотатом для нее являются лица женского пола.

В рамках **Главы 6** были отдельно рассмотрены и проанализированы субстантивные **фразеологические названия лиц**, отличающиеся пейоративной коннотацией. Описание данных единиц потребовало привлечения дополнительных лексикографических источников (*Slovar slovenskih frazemov*, *Фразеолошки речник српског језика*) и использования новых критериев пейоративности (в целом соотносящихся с параметрами, примененными при

анализе материала предшествующих глав). Были выделены категории идентифицирующих, частнооценочных и общеоценочных пейоративных ФЕ (фразеологических единиц), что доказывает возможность использования разработанной нами классификации не только на материале однословных пейоративов.

При сопоставлении словенских и сербских фразеологических наименований лиц, отличающихся пейоративной коннотацией, выяснилось, что в обоих языках преобладает модель словосочетания Adj + N. Большинство словенских и сербских ФЕ представляет собой фразеологические единства по классификации В.В. Виноградова (в сербском языке их доля выше, нежели в словенском: $\approx 90\%$ по сравнению с $\approx 67\%$). Однако пейоративные фразеологизмы, репрезентирующие специфические для каждого языка образы, как правило, содержатся среди фразеологических сращений (слов. *kurji britof* 'букв. куриный могильник; толстобрюх', серб. *човек жабље крви* 'букв. человек с лягушачьей кровью; трус'), хотя есть и исключения, представляющие собой фразеологические единства (слов. *jara gospoda* 'букв. новоиспеченные господа → обогатившиеся провинциалы, подражающие жителям крупных городов', серб. *лења буба* 'букв. ленивый жук → лежебока'). Межъязыковые фразеологические эквиваленты, такие, как, например, слов. *črna ovca* и серб. *црна овца* 'букв. черная овца, рус. паршивая овца' составляют меньшинство ($\approx 41\%$ в словенском и $\approx 26\%$ в сербском). Единицы, содержащие пейоративные номинации лиц в качестве составного лексического компонента (например, серб. *букова глава* 'букв. буковая голова, рус. дубовая голова') также немногочисленны (не более 30-31% и в том, и в другом языке), что свидетельствует о доминировании иных способов выражения негативной эмоциональной оценочности (в первую очередь, образной структуры фразеологизма).

В **Заключении** подводятся основные итоги работы и намечаются дальнейшие перспективы изучения пейоративных единиц. Результаты диссертационного исследования подтверждают обоснованность проведенного разграничения идентифицирующих, частнооценочных и общеоценочных пейоративов, находящего отражение в их распределении в рамках лексико-

семантического поля личности. Различия данных категорий проявляются на словообразовательном, семантическом, функциональном уровнях. В то же время важно отметить, что область уничижительных номинаций лиц, как и лексическая система языка в целом, представляет собой своеобразный континуум, отличающийся отсутствием четких границ.

Кроме того, в ходе исследования был выявлен ряд многоаспектных различий между словенскими и сербскими пейоративами, свидетельствующих о значимости контрастивного изучения близкородственных языков. Системно-функциональный подход также оправдал себя, позволив определить частотность лексем и их семантические особенности.

Список литературы включает в себя научные работы, посвященные исследуемому вопросу, а также список использованных корпусов и сетевых словарей. В **Приложении** в алфавитном порядке приводятся словенские и сербские пейоративные номинации лиц, представляющие собой основной материал диссертационного исследования.

По теме диссертации были опубликованы следующие работы:

Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Кулешова М.Л. Способы выражения пейоративности в словенском и сербском языках (на материале названий лиц) // Славяноведение. №6. М., 2013. – С. 28-36. (0,7 п.л.)
2. Кулешова М.Л. Пейоративные названия лиц со значением признака в словенском и сербском языках // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. №2. М., 2014. – С. 123-130. (0,5 п.л.)
3. Кулешова М.Л. Пейоративные номинации лиц в словенском и сербском языках, обозначающие речевые характеристики // Научное мнение. №10. СПб., 2014. – С. 218-223. (0,7 п.л.)

Публикации в других изданиях:

4. Кулешова М.Л. Некоторые особенности словенской и сербской языковых картин мира на материале пейоративных названий лиц со значением признака // Материалы Международного молодежного научного форума

«ЛОМОНОСОВ-2013». М., 2013. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). (0,2 п.л.)

5. Кулешова М.Л. К вопросу о тенденциях употребления отдельных этнофолизмов в словенском и сербском языках // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: VI Международная научная конференция (Днепропетровск, ДНУ имени Олеся Гончара, 22–23 апреля 2013 г.). Днепропетровск, 2013. – С. 158-160. (0,2 п.л.)
6. Кулешова М.Л. Специфика критериев пейоративности в словенском и сербском языках на материале названий лиц // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии: Материалы международной научной конференции. М., 2013. – С. 211-213. (0,2 п.л.)
7. Кулешова М.Л. Пейоративные наименования лиц со значением внешних/физических признаков в словенском и сербском языках // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры, 20-21 мая 2014 г. М., 2014. – С. 25. (0,1 п.л.)